

РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИЙ АРХИВ

Составители
Даниэла Рицци и Андрей Шишкин

Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche
Trento 1997

ARCHIVIO ITALO-RUSSO

a cura di
Daniela Rizzi e Andrej Shishkin

Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche
Trento 1997

СОДЕРЖАНИЕ – SOMMARIO

<i>Prefazione</i> (D. Rizzi, A. Shishkin)	7
В. ТОПОРОВ, Из ранних русско-итальянских встреч	9
M. DI SALVO, La missione di I. Ćemodanov a Venezia (1656-1657): osservazioni e nuovi materiali	57
Т. ЦИВЬЯН, “Образ Италии” и “образ России” в последнем стихотворении Баратынского	85
Г. ТОЛСТЫХ, Итальянская художественная литература в русской книге 1890 – 1917 гг.	99
Н. БОГОМОЛОВ, Итальянские письма Нины Петровской	115
В. КЕЙДАН, «Путь, что на карты не попал». Письма русских философов 1911–1914 гг.	157
И. ВИШНЕВЕЦКИЙ, Живые и “блистательная тень”: трансформация образа Италии в поздней поэзии Сергея Соловьева	341
D. RIZZI, Lettere di Boris Jakovenko a Odoardo Campa (1921–1941)	385
S. GARZONIO, Dall’archivio di Vasilij Sumbatov: из итальянской поэзии	483
А. ШИШКИН, Вячеслав Иванов и Италия	503
D. RUFFOLO, Vjaĉeslav Ivanov – Rinaldo Küfferle: corrispondenza	563
I. PANFIDO, Sulle tracce del luogotenente Šmidt a Trento	603
Indice dei nomi – Указатель имен	609

II. Переписка Вяч. Иванова и Н. А. Оцупа

Первое письмо Николая Оцупа (1894-1958) к Вяч. Иванову было написано по конкретному поводу: Оцуп выпустил в свет первый выпуск журнала «Числа» и просил у Иванова стихи или прозу для следующих номеров. О новых стихах поэта, написанных в Италии, Оцуп знал от Ильи Голенищева–Кутузова, который несколько лет назад встречался с Ивановым в Риме. Были и другие общие знакомые: П. Муратов⁷ и Этторе Ло Гатто;⁸ с обоими Оцуп несколько раз встречался в Вечном городе.

Новых стихов Иванов Оцупу не дал – значительная часть из написанного после окончательного приезда в Италию в 1924 г было уже передано Голенищеву-Кутузову, который опубликовал три *Римских сонета* и *Палинодию* в составе своей статьи в 43-м номере «Современных записок» за 1930 г.⁹ Не ответил поэт и на посланную Оцупом анкету литературного отдела «Чисел» о причинах упадка русской литературы.¹⁰ Но следствием литературно-издательских инициатив Оцупа было начало серьезных дружеских отношений, которые укрепились между ним и Вяч. Ивановым в последующие годы. Оцупа, среди русских друзей и знакомых Вяч. Иванова в 1930-х–1940-х гг., наряду с причастностью к ушедшей петербургской литературной эпохе, отличало стремление к преодолению эмигрантского изоляционизма, к универсализму, к европейским горизонтам цивилизации. Как, пожалуй, никто из русских гостей, посетив-

⁷ См. инскрипт на книге Оцупа *В дыму* (Париж 1926): «Дорогому Павлу Павловичу Муратову от искренне преданного Николая Оцупа. Roma-Napoli-Parigi 1926», экземпляр в РАИ.

⁸ Э. Ло Гатто. *Мои встречи с Россией*, М. 1992, с. 93-94.

⁹ С оговоркой, что стихи печатаются по ходящим по рукам спискам – Вяч. Иванов до 1935 г воздерживался от прямого участия в эмигрантских изданиях – см. письмо Вяч. Иванова к И. Н. Голенищеву-Кутузову от 24 апреля 1930 г., «Еуропа Orientalis» 8 (1989), р. 497

¹⁰ Вот она: «1. Считаете ли Вы, что русская литература переживает в настоящее время период упадка? 2. Если да – в чем Вы видите признаки этого явления и 3. каковы его причины?». Рукой Оцупа приписано: «Вот о чем было бы крайне важно для “Чисел” получить несколько строчек от Вас. Можно ли на это рассчитывать?».

ших Вяч. Иванова в Риме, Оцуп почувствовал значительность последнего ивановского произведения – *Повести о Светомире-царевиче*, пережил лирическую и духовную глубину поэмы *Человек*. В одной из записей *Дневника в стихах* 1945 г Оцуп передал свое впечатление от чтения Ивановым стихов из *Римского дневника 1944 г.*:

Хорошо, что погруженный в Рим,
Этот океан из океанов,
Стал и здесь воистину своим
Вячеслав Иванович Иванов.
Он стихи апрельские читал
И листы в руке чуть чуть дрожали,
Он как патриарх благоухал
Юностью и сединой...
– Слыхали?
Я католик... И к лицу ему
Это сам не знаю почему.¹¹

Диалог об искусстве между двумя поэтами, как следует из обмена письмами в 1940-е годы, был диалогом равных, не диалогом учителя и ученика.

1. Н. А. Оцуп – Вяч. Иванову

<Париж, начало 1930 г.>

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

Только на днях мне сообщили Ваш адрес и я, простите за невольное опоздание, поспешил Вам послать 1-ую книгу «Чисел». Вторая выходит 15 Сентября, третья – 15 Декабря.¹²

Если знакомство с 1-ой книгой расположит Вас к этому, не напишете ли Вы что-нибудь для нас?

¹¹ Цитируется по автографу на отдельном листе в письмах Оцуа. С незначительным разночтением включено в *Дневник в стихах* (Н. Оцуп. *Океан времени*, СПб. 1993, с. 382).

¹² Оцуп основал журнал «Числа» в 1930 г.; всего до 1934 г было издано 10 номеров.

Все, что бы Вы не прислали – стихи, статьи – будет для нас подарком высокой ценности. Г <оленищев-Кутузов>¹³ рассказывал мне о теперешней Вашей жизни. Не знаю, помните ли Вы меня – наша встреча в Москве была слишком мимолетной и случайной. Несколько лиц, особенно близких к «Числам», и я, считаем Вашу роль в русской культуре последней четверти века – едва ли не самой значительной.

Вы поймете поэтому, с каким нетерпением редакция «Чисел» ждет от Вас каких-нибудь отзвуков Вашей теперешней жизни.

По словам того же Г <оленищева> Вам, быть может, удобнее печатать свои вещи в эмигрантском издании (хотя мы вне всякой политики)¹⁴ не будучи прямым, а только косвенным сотрудником (например, кто-то публикует ваши стихи не как посланные в «Числа», а как переписанные у Вас).¹⁵ Мы согласны на любую форму Вашего сотрудничества, лишь бы получить В.<аши> вещи.

С чувствами, которые Вам должны быть понятны из этого письма

Ник. Оцуп

¹³ Писатель, переводчик и крупнейший историк литературы И. Н. Голенищев-Кутузов (1905-1969) познакомился с Ивановым в 1927 г в Риме. С осени 1929 г Кутузов жил в Париже и 25 января читал в парижском «Союзе молодых поэтов» доклад *Лирика Вячеслава Иванова*. После доклада о возможности издать новые ивановские стихи Кутузова спрашивали редактор «Современных записок» М. О. Цетлин и представлявший «Числа» Оцуп. Рассказ об этом см. в письме Кутузова к Иванову от 31 марта 1930 г., «Eugora Orientalis» 8 (1989), p. 495.

¹⁴ Особенностью «Чисел» действительно был отказ от всякой политики и сотрудничество всех поколений русской эмиграции. См. Н. Андреев. *Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом*, в сб.: *Русская литература в эмиграции. Сб. статей*, Питтсбург 1972, с. 27

¹⁵ Именно таким образом были опубликованы стихи Иванова, сочиненные в 1920-е годы, внутри посвященной ему статьи Голенищева-Кутузова в журнале «Современные записки», № 43, 1930, с. 466-70.

2. Н. А. Оцуп – Вяч. Иванову

<4 апреля 1947 г.>

Дорогой Вячеслав Иванович,

Шлю Вам и Вашим самые сердечные пожелания к великому празднику *Моя жена*¹⁶ в Январе была в Риме и ждала моего приезда, чтобы вместе пойти к Вам, но я задержался и пришлось этот визит отложить.

Я не раз думал о Вас и о Вашей *Ахинее*.¹⁷ Хорошо, что Вы, долголетний эмигрант, там же, где Гоголь писал *Мертвые души*, пишете поэму, тоже глубоко русскую. Нельзя России изменить, и Ваша муза – с нею. Я тоже сердцем там – навсегда.

Если г-жа Фламинго¹⁸ простит мне невольную фамильярность и захочет напомнить свое имя отчество, я буду в следующий раз более учтив. А пока прошу ей передать, что не забыл ее рассказа о московских паломниках. Читая русские книги, радостно признать: там есть подспудная свобода.

О жизни бытовой писать не хочется. О стихотворчестве своем и других мог бы написать, да ведь оно лишь след внутреннего сгорания. Когда-то Блок жаловался: мы не пророки, мы – поэты.¹⁹ Да и как найти последнюю радость в мысли изреченной, этой подмене правды и жизни словами?

А душа не устает порываться к самому важному, самому неисповедимому:

– К вечности готовиться пора!²⁰

А там что?

И вспоминается Ваше:

Увы, тогда то
Еще мятежней может быть
О берег все, чем дно богато,

¹⁶ Диана Александровна Карэн.

¹⁷ Так в семье Вяч. Иванова и круге его близких друзей шутливо именовалась *Повесть о Светомире*, над которой поэт работал с конца 1920-х годов вплоть до своей смерти.

¹⁸ Фламинго – прозвище Ольги Александровны Шор (1894-1978), ближайшего друга и “совопросника” Вяч. Иванова в римский период.

¹⁹ «Были “пророками”, пожелали стать “поэтами”» (А. Блок. *О современном состоянии русского символизма*, в: А. Блок. *Собрание сочинений*, V, М.-Л. 1962, с. 433).

²⁰ Неустановленная цитата.

Волною мутной станет бить.²¹

Шлю самый сердечный привет Вам и Вашим

Ник. Оцуп

Venerdì Santo,²² A. D. 1947

8, via Maggiolo, Nervi (Genova).

3. Вяч. Иванов – Н. А. Оцупу

Рим, 24 августа 1947

Дорогой Никита Авдеевич,

Давным давно – с Пасхи, – все собираюсь написать Вам, поблагодарить за память и весточку и сказать Вам что-то душевное, внутреннее, – что и просит сказаться всякий раз, как подумаю о Вас, а вспоминаю Вас постоянно – но «заботы века сего»²³ все время заглушают – не мысль о Вас, а по крайней мере слово, которое хотело сказаться. Собирался я и попенять – для первого-то знакомства – Вашей жене за то, что, будучи в Риме в Ваше отсутствие, не пожелала без Вас навестить меня, а жаль – без Вас то и хорошо было бы о Вас позлословить. Вывела меня из моей предосудительной летаргии прилагаемая «дописица»: не зная, что я могу и чего не должен сообщать о Вас, поверяю ее на Ваше воззрение – если будете писать Вашей, по-видимому, поклоннице, приветствуйте ее и от меня. Итак, ныне Вы пренебрегаете словом, повторяя грешную обмолвку Тютчева о лжи изреченной мысли²⁴ (всякая грешная обмолвка подхватывается людьми с восторгом), и за это на Вас почти сержусь, – тем более, что Вы прикрываете писательский грех «праздности и уныния»²⁵ (у Пушкина: «Владыка дней моих! дух

²¹ Оцуп выписывает строки из поэмы Вяч. Иванова *Человек*, вышедшей первым изданием в Париже в 1939 г

²² Великая пятница, пятница на Страстной неделе (итал.).

²³ Мр. 4: 19.

²⁴ Цитата из стихотворения Тютчева *Silentium*. Ср. также статью Иванова *Два русских стихотворения на смерть Гете*, в: В. И. Иванов. *Собрание сочинений*, IV, Брюссель 1986, с. 165.

²⁵ Слова из великопостной молитвы св. Ефрема Сирина.

праздности унылой...»)²⁶ благочестивыми соображениями о том, что к «вечности готовиться пора» Наилучшее приготовление к вечности есть добрая и, следовательно, непременно деятельная жизнь в ее преддверии, то есть в земном времени – ведь до истинной, священной *vita contemplativa*²⁷ мы, в миру о небесном мечтающие, не доросли. Если мысль изреченная оказывается ложью, то она была ложью изначально, в самом сердце человека, откуда истекла. И таких великолепно украшенных лжей и соблазнов в Тютчеве было немало. Есть мысли неизрекаемые, неизглаголаемые по своей высоте и святости – об них *par definition*²⁸ следует молчать (разве лишь, в крайнем случае, намекнуть на них символом), и насильственно (кощунственно!) их изрекающий неизбежно их искажает, но в этом виноват он сам, а не слово. Вам же, после двух великих и светлых событий Вашей жизни, должно много работать в слове. Ведь Вы – поэт, а прямое назначение поэта – славить:²⁹ Вам ли, именно теперь, не благодарить и не славить? [Псалом 56: 8-9: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: буду петь и славить. Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано» (по еврейски: «разбужу зарю»)]. Но прежде всего долг каждого русского, решившегося восполнить свое православие признанием вселенской правды Петра – рассказать о духовном пути, приведшем его к этому решению.³⁰ Итак, автобиографический отчет о пережитом (а опыты Вашей жизни богаты и разнообразны) для Вас приобретают особенный, ответственный смысл. Хочется, кстати, по привычке стихотворцев, – выписать здесь вступление к моему *Младенчеству*:

²⁶ Из стихотворения А. Пушкина *Отцы пустынники и жены непорочны...*

²⁷ Созерцательная жизнь (лат.).

²⁸ По самой их природе (франц.).

²⁹ Ср. «Поэт и есть тот, кто славословит» (М. С. Альтман. *Из бесед с поэтом В. И. Ивановым. Запись от 20 января 1921 г.*, «Ученые записки Тартусского гос. университета», вып. 209 (1968), с. 307 (Этот фрагмент отсутствует в варианте текста Альтмана, опубликованного К. Лаппо-Данилевским, СПб. 1995).

³⁰ О церковных настроениях Оцуца в это десятилетие см. в его *Дневнике в стихах*, с. 344, 383. Католическая церковь, ее исторические ошибки, и, наряду с этим, ее роль в создании европейской культуры – одна из тем *Дневника*.

<Вот жизни длинная минея,
 Воспоминаний палимпсест,
 Ее единая идея –
 Аминь всех жизней – в розах крест.
 Стройна ли песнь и самобытна
 Или ничем не любопытна, –
 В том спросит некогда ответ
 С перелагателя Поэт.
 Размер заветных строк приятен;
 Герою были верен слог;
 Не так поэму слышит Бог;
 Но ритм его нам непонятен.
 Солгать и в малом не хочу;
 Мудрей иное умолчу.>³¹

Роман, дорогой друг, пишите широкий роман в прозе: Вы же, как художник, существенно реалист. О романе же не скажешь: «мысль изреченная есть ложь», или, как этот афоризм перефразирован: «подмена правды и жизни словами». Он (пусть он будет, если того хочет Муза, также автобиографическим) может и должен быть самою правдой и самой жизнью.

Откликнитесь, если охота, и расскажите побольше и поконкретнее о себе и жизни Вашей. Передайте мой глубокий и сердечный привет и супруге Вашей.

Ваш Вяч. Иванов.

Р. С. Кланяется Вам Ольга Александровна – Фламинго. А дочь и сын теперь в Швейцарии.

<Папка ПИ II>

Приложение

Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова.

Капризная память запечатлела от встреч с Николаем Оцупом лишь несвязанные, импрессионистические образы. Стучался Оцуп в дверь нашей небольшой квартиры на виа Альберти, как подобает беглецу, со страхом озирающемуся – не следит ли кто за ним. Непред-

³¹ В машинописи – пропуск.

виденное появление его, точно вдруг вырастающего из темной стены, плохо сочеталось с массивной и – мне казалось – робкой фигурой.

Отец мой принимал его радушно, уводил через узкий коридор в кабинет–спальню, где велись долгие и уютные разговоры. Я в те месяцы редко бывал дома. А с сестрой моей Лидией и нашим другом Ольгой Александровной Шор Оцуп сразу сдружился. За круглым столом в столовой пили чай и подкармливали нелегального гостя. Он приезжал из недалекого древнего бенедиктинского аббатства «Фарфа», где он нашел убежище после бегства из концлагеря. Путешествия в Рим были опасны. Не освобожденные союзниками территории Италии, среди которых – Рим, были оккупированы немцами, и город жил под строгим надзором Гестапо. Несмотря на риск, Лидия и Оцуп несколько раз убежали из дома, чтобы побродить по площадям Рима и пойти на концерт. Раз Лидия привела его в закрытый зал «Санта Чечилия» на репетицию своей композиции.

А потом Оцуп, осторожно озираясь, пробирался снова в свой средневековый монастырь, где предавался беседе с другом–монахом и переживал сложный религиозный и духовный опыт.

III. Письмо Вяч. Иванова к Сибилле Алерамо.

Литературная слава пришла к Сибилле Алерамо (настоящее имя – Rina Fassio, 1876-1960) после публикации в 1906 г ее романа *Одна женщина*. В 1912 г в Сорренто она познакомилась с Горьким и Бенедетто Кроче.³² Подруга многих ярких деятелей искусства – достаточно упомянуть о связи с Квазимодо в 1935 г., она была и преуспевающей писательницей, автором нескольких книг стихов и прозы. Политические симпатии Алерамо менялись с веяниями времени: в 1933 г она вступила в Национальную фашистскую ассоциацию женщин (*Associazione nazionale fascista donne artiste e laureate*), в 1946 – в Итальянскую коммунистическую партию. В 1952 г она предприняла путешествие в СССР, где в том же году ударно

³² *Cronologia della vita di S. Aleramo*, in: S. Aleramo. *Diario di una donna. Inediti 1945-1960*, Milano 1978, p. 12.

была выпущена книга переводов ее стихов,³³ а в Италии – книга впечатлений от самого демократического в мире государства.³⁴

Начало знакомства Алерамо с Вяч. Ивановым датируется инскриптом итальянской поэтессы на находящейся в Римском архиве книге *Моменты* (S. Aleramo. *Momenti. Liriche*, Firenze 1922 seconda edizione): «Al grande poeta V Ivanov e al grande amico della poesia italiana, Sibilla Aleramo. Roma, 9 dic. 1925»

В 1934 г Алерамо старалась познакомить с Ивановым своих флорентийских друзей.³⁵ Весной 1945 г Сибилла Алерамо подарила Вяч. Иванову свою вторую книгу стихов *Да – земле* (*Sì alla Terra*, 1-е изд., 1934). Впечатления о прочитанном послужили Вяч. Иванову поводом, чтобы еще раз высказаться о форме, которая отграничивает поэзию от прозы, в том числе, и от красноречия.

5 Aprile '45

Gentile Signora,

Grazie dell'amichevole invio delle Sue liriche. *Sì alla Terra* è anzitutto un libro d'eloquenza appassionata e fiorita. Cito quale esempio caratteristico il componimento intitolato *Eternità*, che non è che un bel discorso, mentre contiene elementi suscettibili della

³³ Сибилла Алерамо. *Стихи*. Перевод с итальянского Вл. Соловьева. Предисловие Б. Всеволодова, М. 1952, 40 сс. Это перевод книги *Aiutatemi a dire. Nuove poesie. 1948-1951*, Roma 1952. В предисловии сообщалось, что «после захвата фашистами власти в Италии Сибилла Алерамо была лишена возможности открыто выражать свои мысли, издавать свои произведения» (с. 3).

³⁴ *Russia alto paese*. Italia-URSS Editrice. Conferenza letta per la prima volta il 23 novembre al Circolo Culturale Tommasi di Ancona. Любопытен подбор иллюстраций: 1. С. Алерамо. Рис. Г. Теллон. 2. Ленин и Сталин в Разливе. Рис. П. Розина. 3. Алерамо посещает музей Горького в Москве. 4. Фотография Горького в Сорренто с дарственной надписью Алерамо.

³⁵ Свидетельство тому – письмо к поэту Роберто Папи, случайно оказавшееся в бумагах РАИ: «Roma, 23 ottobre 1934. Caro Roberto Papi, sono lieta di presentarvi il grande poeta russo, Venceslao Ivanov, e voi sarete felice di conoscerlo. Egli viene a Firenze per qualche tempo. Conosce già Papini, e qualcuno del "Frontespizio" Fate che senta la grazia di Firenze attraverso il sorriso vostro, di Vittorina e dei vostri bimbi. Arrivederci! Aff. Sibilla Aleramo».

trasfigurazione in un canto. Altrettanto direi di *Psiche* che è già quasi un'ode, cioè un canto; ci vuole un leggero ritocco affinché lo sia nel senso vero e proprio. Mi piace assai *Violenza del Nembo*, un po' meno *Oh Palme delle Mani*; mi piacciono pure *Volontà* e *Tu, Poesia*. Ecco, veda: tale è l'indole della Poesia che, sotto l'impeto d'un'emozione forte, lungi dal voler parlare, ammutolisce, per partorire poi dal grembo di questo fecondo silenzio (non invano parla Platone delle «anime incinte»)³⁶ la Forma – talvolta ben lontana dalle contingenze che hanno causato l'emozione, – e questa Forma si manifesta quale Melodia. Orbene, non c'è Melodia senza Legge; e Legge e Forma sono una cosa.

Gradisca i cordiali saluti del di Lei dev-mo

Venceslao Ivanov³⁷

<Папка ПИ I>

Приложение

Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова.

С Сибиллой Алерамо Вяч. Иванов познакомился, вероятно, в литературном и художественном салоне нашего старого римского друга, Ольги Ивановны Резневич-Синьорелли. В ранние годы ее

³⁶ «Беременные духовно <...> беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать» (речь Диотимы в *Пире* Платона, 209a, ср. 206c и далее).

³⁷ *Перевод.* «5 апреля '45. Милостивая сударыня, Благодарю Вас за дружественную присылку мне Ваших стихотворений. *Да земле* – прежде всего книга красноречия страстного и цветистого. Как на характерный пример указал бы на сочинение, озаглавленное *Вечность*: оно ни что иное, как красивая речь, но содержит уже элементы, которые могли бы преобразить ее в песнь. То же сказал бы и о *Психее*: оно уже почти ода, то есть песнь, нехватает лишь незначительной регуши, чтобы оно стало таковой в истинном смысле. Мне очень нравится *Сила тучи*, несколько менее *О, ладони рук*, мне нравятся также *Воля и Ты*, *Поэзия*. Такова, видите, природа поэзии: под порывом сильного чувства она отнюдь не стремится что-то высказать – нет, она замолкает, чтобы затем из лона этого плодородного молчания (не напрасно Платон говорит о «беременных душах») родить Форму, иной раз весьма далекую от того, что было первоначальной случайной причиной волнения – и эта Форма проявляет себя как Лирический Стих. Итак, нет Лирического Стиха без Закона, и Закон и Форма – одно. Благоволите принять сердечный привет от Вам преданнейшего Вяч. Иванова».

римской жизни, после выезда из Риги и учебы в Лозанне, где она кончила, одна из редких тогда женщин, медицинский факультет, – Ольга Ивановна сумела подружиться с скульптором Роденом, со Станиславским, с Элеонорой Дузе, которая стала ее близкой подругой. В 20-е годы, когда мы приехали в Рим, в обширных комнатах квартиры Синьорелли можно было постоянно встретить Пиранделло и Маринетти, Де Кирико и Де Пизиса, Респиги и Казеллу, маститых академиков и едких знаменитых критиков.

Гостеприимные хозяева приглашали взрослых – отца и Лидию, и меня, подростка. Считалось, что я буду развлекаться с тремя дочерьми Ольги Ивановны и с их товарищами приблизительно моего возраста. Но я был любопытен, пробирался в оживленные комнаты, где гремел многогласный разговор и весело разглядывал живой калейдоскоп. Запомнился пытливый, козлиный профиль Пиранделло, стоявшего в двери между двумя гостиными и внимательно прислушивавшегося к невидимому собеседнику. С Маринетти я впервые встретился на вернисаже большой выставки. Я беседовал с профессором Синьорелли, мужем Ольги Ивановны, когда в другом конце зала появился новый посетитель.

– А вот и Маринетти! – воскликнул Синьорелли, его старый друг. Далекая фигурка медленно приближалась, вырисовывалась яснее: к нам подходил неспеша, слегка подпрыгивающим шагом, кругловатый, сурово одетый господин достойно буржуазного вида. Это был глава футуристов.

Среди плеяды модных литераторов в салоне блистала Сибилла Алерамо. И псевдоним ее, и пышные туалеты, и экзальтированные манеры, и стихи вторили царившему тогда в Италии влиянию Габриеле Д'Аннунцио.

Книги Сибиллы имели успех у широкой публики, которой нравился их красноречивый лиризм. Ее автобиографический роман *Одна женщина* стал известен во всей тогдашней Европе, Сибилла Алерамо стало одной из немногих итальянских писательниц, имя которых перешло границы их родины.

В писательском мире забавлялись ее частыми литературно-сентиментальными авантюрами и цитировали одно из ее стихотворений, где большую роль играл диван, на который она приглашала прилечь избранного собеседника. Собеседники эти были разного социального и политического толка, сторонники диктатуры в годы

власти ее. А когда времена изменились, сердце и муза Сибиллы открыли (как, впрочем, многие ее собратья) соответственное вдохновение в далекой империи Советов.

IV. Документы из Римского архива Вяч. Иванова.

1. Договор об издании *Комедии Данте*.

Г Москва. Тысяча девятьсот двадцатого года, мая 14 дня. Нижеподписавшиеся: с одной стороны акционерное общество «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», с другой стороны – Вячеслав Иванович Иванов, заключили договор в следующем:

1. В. И. Иванов берет на себя перевести на русский язык *Божественную Комедию Данте*, причем перевод имеет быть выполнен в двух редакциях: стихотворной и прозаической и снабжен нужными пояснениями и примечаниями.

2. Работу по означенному п. 1 переводу В. И. Иванов имеет вести с таким расчетом, чтобы в течение трех лет со дня заключения сего договора ежегодно представлять акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон» вполне готовую к печати рукопись одной из трех частей *Божественной Комедии* и, чтобы весь перевод в обоих редакциях во всяком случае был им закончен не позднее 31 декабря тысяча девятьсот двадцать третьего года.

3. Авторское право на означенный в п. 1 перевод *Божественной Комедии* в обоих его редакциях В. И. Иванов полностью уступает акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон»

4. Акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон» предоставляется всецело по своему усмотрению определять формат, шрифты и вообще внешний вид издания перевода, равно как и сроки выхода его в свет, цену и прочие условия продажи. Равным образом акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон» предоставляется печатать перевод *Божественной Комедии* как отдельной книгой, так и частями, с иллюстрациями и художественными приложениями и без таковых, а также вместе с другими сочинениями в переводе других авторов.

5. В изъятии из п. 3 предоставляется В. И. Иванову по истечении четырех (4) лет по выходе из печати полностью всего перевода поместить одну из редакций перевода – стихотворную или

прозаическую, по его, Иванова, усмотрению, – в полном собрании его сочинений. В. И. Иванов может однако воспользоваться этим правом лишь в том случае, если вышеуказанный перевод не поступит в продажу отдельно от полного собрания сочинений В. И. Иванова и не будет продаваться как особый том или особая книга.

6. За обозначенную в п. 3 уступку авторского права определяется В. И. Иванову гонорар: за первые десять тысяч экземпляров перевода в размере тридцати (30) рублей за каждый стих итальянского оригинала, а за каждую последующую тысячу экземпляров – в размере одного рубля пятидесяти копеек за каждый стих оригинала.

7. Уплата гонорара за первые десять тысяч экземпляров перевода производится акционерным Обществом «Брокгауз-Ефрон» в следующем порядке: а) при подписании сего акционерное Общество «Брокгауз-Ефрон» уплачивает В. И. Иванову аванс в размере сорока тысяч (40000) рублей – б) по представлении В. И. Ивановым рукописи законченной части перевода в обеих его редакциях, акционерное Общество «Брокгауз-Ефрон» уплачивает ему полностью соответствующую часть гонорара – в) аванс засчитывается при учинении окончательного расчета, т. е. при представлении В. И. Ивановым последней части перевода.

8. Гонорар за каждое последующее издание перевода, по израсходовании первых десяти тысяч экземпляров, уплачивается акционерным Обществом «Брокгауз-Ефрон», по расчету фактически выпущенных в свет экземпляров издания, в два срока, а именно – половина немедленно по выходе издания в свет, а вторая половина через шесть месяцев после сего.

9. Подлинник сего договора хранить акционерному Обществу «Брокгауз-Ефрон», копию иметь В. И. Иванову

Правление акционерного Общества «Издательское дело бывш. Брокгауз-Ефрон»

А. Перельман

2. Переписка с А. В. Луначарским о проекте Русской Академии в Риме и командировке в Италию.

Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 22. IX. 1924.

Согласно данному мне поручению, я вступил в предварительные переговоры по вопросу об основании в Риме института Археологии, Истории и Искусствоведения немедленно по моем приезде в Рим, а именно 17 сентября с Советником Посольства тов. Макаром и с 18 сентября с нашим Полномочным Представителем тов. К. К. Юреневым,³⁸ коему вручил письмо Ваше, выданный мне мандат на ведение означенных переговоров и копию моей докладной записки на Ваше имя от 24 августа с. г

Как Советник Посольства, так и Полпред выразили полное сочувствие проекту в принципе. Тов. К. К. Юренев не только не нашел попытки основания института несвоевременной или несоответствующей положению дел, но, напротив, признал существование нашего института в Риме безусловно полезным и желательным, о чем и разрешил мне немедленно Вас уведомить. Мне было назначено Полпредом дальнейшее свидание для ближайшего рассмотрения предмета, но это второе свидание еще не могло состояться. Вместе с тем, Константин Константинович высказал намерение изложить свое отношение к возбужденному вопросу в докладной записке тов. Литвинову,³⁹ копию же последней переслать Вам. Однако, и теперь уже, на основании первой беседы, я имею возможность сообщить нижеследующие дополнительные данные.

Поскольку Институт ставит себе целью установление связей и взаимную информацию ученого мира России, мне было указано, что эта работа уже налажена нашим представительством во всех областях знания, так что этою стороною своей деятельности Институт вошел бы только в уже существующую сеть культурных сношений. С другой стороны, основание начальной ячейки Института потребовало

³⁸ К. К. Юренев (настоящая фамилия Кротовский, 1888-1938) – советский дипломат, в 1921-1937 полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Австрии, Японии.

³⁹ М. М. Литвинов (1876-1951), зам. наркома иностранных дел СССР

бы несколько больших средств, чем было предусмотрено составителями докладной записки, к Вам обращенной, так как необходимо оплатить в Риме отдельное, хотя бы и небольшое помещение – места для работ Института в здании Представительства, до крайности уплотненном, совершенно нет и, при том, по соображениям принципиального характера, Полпред не считает уместным помещение института во дворце Посольства. По мнению Константина Константиновича Юренева, Институт должен развертываться постепенно, и на первых порах его организация должна быть весьма ограниченной по своим размерам (что совпадает и с мыслью докладной записки).

Я думаю с своей стороны, что Институт мог бы вступить в первую стадию своего существования, в качестве ячейки будущего более широкого учреждения, если бы на помощь мне был командирован ревностный и энергичный ученый, вместе исследователь и человек из любви к делу не боящийся и простой работы (опять указываю, как на желательного мне сотрудника, на профессора по истории искусств азербайджанского Университета доктора Всеволода Михайловича Зуммера),⁴⁰ – и с полугодовым бюджетом от 7500 до 10000 рублей, из каковой суммы можно было бы назначить, по соглашению с Полпредом, оклады лиц, работающих для Института, нанять и оборудовать приличное небольшое помещение (по здешним ценам наем обошелся бы в 1000 или немного более лир, т. е. в десять червонцев в месяц) и положить основание библиотеки, не только путем обмена научных изданий, и инкорпорирования существующей здесь государственной исторической библиотеки, но и путем приобретения распродающихся за границей частных библиотек и подписки на различные ученые издания.

Рим, 22 сентября 1924 г

172 via Quattro Fontane,
3 piano (presso Placidi).

⁴⁰ В. М. Зуммер (1885-1951?) – заведующий кафедрой истории искусств Бакинского университета, археолог и ориенталист.

Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 29. IX. 1924.

В дополнение к моей докладной записке от 22 сентября сообщаю, что по прибытии в Рим я поставил себя в распоряжение нашего дипломатического Представительства для работы, по его указаниям, в области научного и литературного сближения России и Италии. Считаясь с этим предложением, Представительство имеет в виду устройство одной или нескольких моих лекций по русской литературе в начале римского сезона, т. е. не ранее ноября. Оно же берет на себя установление первого личного общения между мною и полезными для дела представителями итальянской науки и литературы.

По вопросу об организации нашего Института дальнейших переговоров с Полпредом, вследствие его временного отсутствия, я не вел. Прибавлю к сказанному в моей докладной записке от 22 сентября, что и до законодательного проведения проекта об основании Института могла бы быть создана, в пределах существующих учреждений Наркомпроса, вспомогательная научная станция Главнауки (в контакте с Комиссией Заграничной Помощи) или Академии Художественных наук, путем а) высылки некоторой, хотя бы в начале и не крупной, суммы денег на приобретение первых нужнейших изданий, б) распоряжении об систематическом обмене изданий в относящейся к Институту области наук и в) полномочия заручиться благожелательным содействием и советами здешних ученых учреждений, преследующих те же цели, на предмет возможного в будущем устройства русского Института, под общим руководством и по основным директивам нашего Представительства: принятие таких мер дало бы возможность немедленно приступить к конкретной работе. В настоящее время я принужден ожидать дальнейших распоряжений и решений и ограничиваюсь собственной научной работой, весьма осложненной необходимостью предварительной ориентации в колоссальных успехах изучаемых дисциплин за то время (с 1914 г.), когда в России невозможно было следить за развитием этих дисциплин на Западе.

В заключении решаюсь обратить Ваше внимание на мою полную материальную необеспеченность, не только лишаящую меня необходимого для работы спокойствия, но и грозящую в недалеком будущем сделать ее невозможной.

Принимая во внимание вынужденно-поздний выезд мой из Москвы, дороговизну путешествия и значительную дороговизну римской жизни, нельзя, мне кажется, признать ненормальным <sic!> тот факт, что полученных мною еще в июле командировочных денег (800 р.) едва-ли хватит до половины ноября. В виду крайней материальной стесненности и перспективы оказаться в положении, не позволяющем мне ни продолжать начатую работу, ни, прекратив ее, вернуться внезапно и безрезультатно домой, позволяю себе убедительно просить Вас, напоминая полученные как от Вас, так и от Комиссии Заграничных командировок обещания, о незамедлительной высылке мне дальнейшей субсидии до 500 рублей, которые могла бы быть со временем зачтена в вознаграждение организационной деятельности, поскольку таковая будет признана необходимой и поскольку мне будет предоставлена в ней некоторая доля участия.

Рим, 29 сентября 1924 г

172 via quattro Fontane,
3 piano (presso Placidi).

Записка Вяч. Иванова А. В. Луначарскому от 6. X. 1924.

К моим сообщениям из Рима от 22 и 29⁴¹ сентября присоединяю нижеследующее, подводящее, как мне кажется, итог моим предварительным переговорам со здешним Представительством по вопросу об учреждении нашего Института в Риме. 2-го октября я был вторично принят по этому делу Полномочным Представителем, который подтвердил свое сочувствие Институту «в идее», но, исходя из необходимых соображений о необходимости поставить дело не иначе как с надлежащею научною солидностью, выразил свою неудовлетворенность: 1) тем, что задачи Института не определены с полной ясностью и круг его деятельности не очерчен точно; 2) тем, что не намечены лица, обеспечивающие успех начинания, так как столь ответственное дело должно быть поручено специалистам-археологам, не только опытным, но и могущим импонировать здешнему ученому миру своим научным именем. Константиин Константинович присово-

⁴¹ В оригинале описка: 23 сентября.

купил, что в этом смысле уже писал в Москву Советник Посольства, тов. А. М. Макар, и что сам он имеет в виду изложить свой взгляд в письме на Ваше имя. По поводу обоих соображений я представил Полпреду некоторые соображения, существо коих сводится к нижеследующему:

1) Задачи и круг деятельности Института едва-ли могли бы быть намечены определительнее, чем это сделано в подписанных мною и сообщенных в копиях Представительству докладных записках (от 24 августа с. г. и дальнейших), особенно при невыясненности вопроса о том, как широко может быть поставлено задуманное дело, предлагать детально разработанный проект устава было бы, очевидно, преждевременно, и предупреждать в этом отношении действия Центра мне не представляется уместным.

Основные черты учреждений этого рода в достаточной мере типичны и общеизвестны. Желательная организация, как уже было указано, приблизительно такова:

Основывается в Риме входящий в сеть учреждений НКП очаг постоянной высшей научной работы, в виде скромного на первых порах, но соответственно оборудованного помещения, снабженного первым запасом книг и научных периодических изданий. Небольшая группа ученых объединяется вокруг очага: это исследователи, для работы коих необходимо постоянное пользование вещественными памятниками Рима – сосредоточенными здесь в огромном количестве произведениями искусства, остатками древности, надписями, рукописными кодексами древних авторов, книгохранилищами, архивами. Из ученых, работающих при Институте, одни уже мастера своего дела, другие суть начинающие исследователи, командируемые сюда на первых шагах своей академической карьеры, как командируются молодые люди, посвящающие себя науке, в исследовательские Институты. Объекты научной работы, привлекающие исследователей в Рим, могут быть весьма различны: Институт соответственно распадается по специальностям на секции, каковы: секция археологическая, секция филологическая и эпиграфическая, секция истории искусств, секция историческая и, быть может, другие. Старшие ученые берут на себя труд ближайшего научного ознакомления младших по своей специальности с памятниками Рима и Италии, устраивают курсы, экскурсии и практические занятия, помогают начинающим коллегам указаниями методологического и

научно-практического характера, поддерживают сами и облегчают молодым научное общение с другими центрами исследовательской работы в Риме, ищут создать повышенную научно-исследовательскую атмосферу. Вся ученая работа Института подотчетна, целью должно поставить периодическое обнародование его трудов. О самостоятельных раскопках в Италии думать, конечно, невозможно и в будущем, но ближайшее отношение к таковым и некоторое в них участие, особенно в методических целях, при благополучных условиях не исключается. Необходимо, чтобы Институт мало-помалу, по мере накопления самостоятельных результатов исследовательской работы, нашел возможность устраивать академические собрания (адюнанце), на которые эти результаты оглашались бы перед международной ученой аудиторией и служили предметом ученого обсуждения. В этом отношении большое значение имели бы посещения Института учеными с большим именем, работающими в Советской России: они могущественно способствовали бы культурному сближению наций и укреплению престижа нашей науки. Помимо всего сказанного, Институт должен был бы служить органом специальной и по существу информации о русской научной работе в подлежащих его ведению областях для иностранцев и об иностранной для русских и органом ближайшего научного общения между странами. Его работа должна была бы протекать в непрерывном и живом контакте с другими Институтами того же типа и академиями Рима и Италии.

Этим суммарным описанием достаточно конкретно и определено, на мой взгляд, очерчиваются круг деятельности и задачи проектируемого Института. Развертывание его должно производиться постепенно, и начинать нужно с учреждения небольшой ячейки. Случайная беседа моя с одним из работников недавно открытого в Риме румынского госуд.<арственного> института археологии и истории показала мне, как скромно может быть такое начало. Годовой бюджет этого молодого учреждения не превышает 7000 рублей (70000 ит лир). Правда румыны отказываются от создания собственной специальной библиотеки (этим, главным образом, объясняется разница между величиной их бюджета и высказанными мною приблизительными сметными соображениями). Они работают в чужих библиотеках (Германского и Американского Институты, Ватикана и др.) и ограничиваются приобретением книг первой и

постоянной надобности. Они занимают помещение, в котором работают и живут профессор-археолог, заведующий институтом, и три или четыре молодых ученых разных специальностей (археолог, историк и т. д.). Эти последние получают особые небольшие стипендии, не входящие в упомянутый бюджет, но пользуются в институте бесплатным помещением.

2) Что касается второго вышеизложенного возражения тов. Константина Константиновича Юрешева, я лично совершенно согласен с ним, что директором Института всего уместнее было бы назначить специалиста – археолога, пользующегося заслуженною известностью, каков, например профессор Фармаковский⁴² или проф. Бузескул.⁴³ Но этот вопрос, на что я и указал тов. Полпреду, – будет несомненно предметом особого внимания и заботы учреждений Наркомпроса, руководящих академической жизнью страны. Лица в настоящее время не предуказаны, к чему есть достаточные обоснования. Мне лично поручено лишь ведение предварительных переговоров. Если бы даже моя конкретная работа потребовалась в период налажения первой ячейки будущего Института, это отнюдь не предрешало бы его дальнейшей организации и окончательного состава. Не будучи археологом по специальности, я счел бы справедливым притязать лишь на прикомандирование меня в будущем к его филологической секции, согласно содержанию и потребностям моей текущей научной работы и на основании как полученной мною школы, так и нашедших в ученом мире признания трудов моих по римским государственным древностям, по греческой поэзии и по истории греческой религии. Общее же ведение дела лучше всего поручить, – хотя Институт и не является исключительно археологическим – имеющему европейскую известность археологу. Но возражение о лицах не есть возражение по существу возбужденного вопроса, и, при наличии в СССР достаточного количества выдающихся научных сил, это указание может быть принято с благодарностью во внимание, но не может служить

⁴² Б. В. Фармаковский (1870-1928), археолог, член корреспондент АН СССР

⁴³ В. П. Бузескул (1858-1931), профессор античности, действительный член АН СССР

препятствием <скорейшему>⁴⁴ осуществлению чрезвычайно полезного, и не в одном только научном отношении, дела.

В заключении позволю себе просить Вас не <обносить>⁴⁵ в подробном осведомлении о содержании моих докладных записок из Рима со-автора первой, поданной Вам в Москве 24 августа с. г., Президента Академии Художественных Наук проф. П. С. Когана,⁴⁶ и, наконец по чисто личному делу о материальных затруднениях, мною испытываемых, позволю себе напомнить то, что уже писал от 29 сего сентября.

Рим, 6 октября 1924 г

Письмо А. В. Луначарского – Вяч. Иванову

<Москва, 13. 2. 1925>

Дорогой Вячеслав Иванович,

Идея Института в Риме отнюдь не погребена, но даже та маленькая ячейка, о которой Вы пишете, может быть организована

⁴⁴ В оригинале опечатка: старейшему.

⁴⁵ В оригинале опечатка: относить.

⁴⁶ В письме от 21 октября 1924 к П. С. Когану (1872-1932) Вяч. Иванов писал: «Дорогой Петр Семенович, в последней из трех моих докладных записок, посланных отсюда через посольство, я особенно прошу Анатолия Васильевича ознакомить с их содержанием Вас, как лицо, вместе со мной возбудившим вопрос, о котором в них идет речь. Поэтому позволительно предположить, что Вы в курсе дела и достаточно осведомлены о результате как этих моих обращений, так и направленных в Москву заявлений нашего представительства. Что касается отношения этого последнего к нашему проекту, я, – несмотря на одобрение замысла в его “идее”, не вынес впечатления действительного сочувствия попыткам его осуществления. Кажется, что я лично не кажусь представительству лицом желательным или достаточно компетентным для направления этого дела. Как бы то ни было, я рассчитываю на вашу дальнейшую поддержку в этом прекрасном и полезном начинании. Моя личность не играет в судьбах его никакой роли: повторяю, но лично я был бы весьма доволен ограничиться самым скромным emploi, соответствующим кругу моих занятий. Буду Вам очень благодарен, если Вы напишите мне, что думает обо всем этом центр и намерен ли что-нибудь предпринять». (Автограф в РГАЛИ, 237 1. 54, л. 3).

Негативное отношение ответственных деятелей советского представительства подтверждается записями в дневниках Юрьенева и Макара (Архив министерства иностранных дел, Москва), о которых нам любезно сообщил Д. Черниговский.

только с будущего года, так как в бюджете этого года соответственных сумм нет и взять их не откуда. Мы ожидаем некоторое увеличение нашего бюджета в будущем году и я специально переговорю с тов. Петровым⁴⁷ о внесении некоторой небольшой суммы на устройство такой ячейки. Я буду Вам крайне признателен, если Вы уже сейчас пришлете небольшую записку, где коротко повторите главные аргументы для создания этой ячейки, именно имея в виду пока не целый институт, а небольшое предварительное учреждение, а также минимальный денежный расчет на содержание такой ячейки.

Смею Вас уверить, что никаких сомнений в том, что Вы можете быть лучшим руководителем такого зародыша Института, нет ни у кого. Наоборот именно то, что Вы находитесь уже в Риме, служит главной причиной в благоприятном отношении. Но Вы должны помнить, что еще и сейчас мы находимся под знаком строжайшей экономии и нужно в десяти местах доказать необходимость какого-нибудь культурного предприятия, что бы правительство раскошело-лось на него.

Вместе с тем, извещаю Вас, что я одновременно с этим письмом вношу официальное предложение о добавочной сумме для Вас. Я не могу вполне ручаться за успех, так как денег у Главнауки сейчас мало, но сделаю все, что от меня зависит

Крепко жму Вашу руку и радуюсь, что все же в Риме Вы чувствуете себя хорошо.

Нарком по Просвещению
А. Луначарский.⁴⁸

⁴⁷ Лицо неустановленное.

⁴⁸ Письмо на бланке:

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР по ПРОСВЕЩЕНИЮ.

№ 545.

Заявления Вяч. Иванова – А. В. Луначарскому⁴⁹

<a>

Прошу в Вашем лице Нар. Комиссариат Просвещения не отказать мне в продлении моей научной командировки еще на год (по июнь 1927 г.) При моем возрасте и здоровье я нуждаюсь в здешнем климате, и моя исследовательская работа находит в Риме наиболее благоприятную научную обстановку. Моею ближайшей задачей является в настоящее время ознакомление здешнего ученого мира, путем докладов, чтений и составления заказанных специальными научными органами статей, с результатами моих работ в области истории греческой религии. Центром моих незаконченных изысканий служит по-прежнему Эсхил.⁵⁰

Рим, 1 мая 1926 г

Позволю себе прибавить, что мне было бы желательно и отсюда содействовать делу просвещения в Сов. России путем издания моих переводов классической поэзии. Академия Худ. Наук уже давно имеет в своем распоряжении часть моего *Эсхила*, за обнаружением которого естественно должно было бы следовать продолжение публикации готового к публикации труда. В то же время, я был бы счастлив получить от Госиздата перевод поэмы Данта, мною начатый, – что донныне мне не удавалось.

5 сентября 1928

⁴⁹ Эти три заявления, хотя и не принадлежат РАИ, печатаются здесь, поскольку по содержанию непосредственно продолжают документы Римского архива.

⁵⁰ Свою деятельность в Италии в последующие месяцы Вяч. Иванов характеризовало в заявлении в ЦЕКУБУ из Павии 16 марта 1927 г.: «Недостаток в средствах к существованию заставил меня в текущем учебном году, за незначительное вознаграждение, занять место преподавателя немецкого, английского и французского языков в студенческом Collegio при Павийском университете. По приглашению этого университета, был прочитан мною в январе с. г. небольшой курс лекций о русской философии на факультете общественных наук. Мои лекции в Риме и Павии, личные связи и упоминания обо мне в печати являются моим посильным вкладом в дело ознакомления Италии с путями и достижениями русской мысли» (РГАЛИ 222. 1. 58, л. 1).

<с>

Моя преподавательская работа в Павийском университете и в университетском Collegio Borgomeo; мои научные работы, из коих важнейшею является в настоящее время дополненное и исправленное французское издание моей русской книги о Дионисе (Баку 1923); условия моего расшатанного здоровья, о чем я имел честь представить в Наркомпрос медицинское свидетельство, и болезнь моего сына, также медицински удостоверенная, – все это настоятельно требует продолжения моего пребывания в Италии. Посему убедительно прошу Вас о продлении моей научной заграничной командировки на год.

Collegio Borgomeo.

Ravia, 2 сентября 1929 г⁵¹.

Приложение

Выписка из протокола № 3 заседания Комиссии по научным заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР от 16 ноября 1929 г

С л у ш а л и

10. Заявление профессора Вячеслава <sic!> Иванова о продлении срока командировки на 1 год.

П о с т а н о в и л и

5) Считаю 5 летний срок пребывания за границей вполне достаточным для любой командировки, ходатайство отклонить и предложить проф. В. Иванову возвратиться в СССР

Выписка верна. Секретарь Комиссии: Яковлева.

⁵¹ Как можно думать, следствием последнего заявления Вяч. Иванова был запрос о нем в советское представительство в Риме. «Секретный» ответ представительства – яркий документ стиля мышления советского дипломата той эпохи: «Рим, 25 сент. 1928 года. Секретно. Лично. Зам. Наркомпрос. т. Яковлевой. Уважаемая Варвара Николаевна! Писатель Вячеслав Иванов проживает в настоящее время в Падуе <sic!>, где состоит профессором. Он поддерживал некоторые связи с т. Керженцевым, но последние два года утратил связи с Полпредством и ничем себя как гражданин СССР не проявил. Насколько мне известно, и в итальянской печати не появлялось его статей в защиту СССР Считаю нецелесообразным поддерживать его просьбу перед Правительством. С товарищеским приветом Д. Курский» (на бланке: СССР Полномочное представительство в Италии. Автограф. РГАЛИ, 279. 3. 4).